

Эйльбарт Н. В. «Гораций для Марины Мнишек»: герои Смутного времени в поэзии Себастьяна Петрици / Н. В. Эйльбарт // Научный диалог. — 2017. — № 2. — С. 216—233.

Eylbart, N. V. (2017). "Horace for Marina Mnishek": Heroes of Time of Troubles in Poetry by Sebastian Petritsi. *Nauchnyy dialog*, 2: 216-233. (In Russ.).



Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 94(47).045+94(438)

DOI: 10.24224/2227-1295-2017-2-216-233

«Гораций для Марины Мнишек»: герои Смутного времени в поэзии Себастьяна Петрици

© Эйльбарт Наталия Владимировна (2017), доктор исторических наук, профессор кафедры русской истории, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия), ejlbart@mail.ru.

Проводится исторический анализ выдающегося произведения эпохи польского позднего ренессанса «Гораций Флакк в трудах московского пленника», написанного доктором Себастьяном Петрици — профессором Краковского университета и врачом семейства Марины Мнишек. Рассматриваются биографические сведения из жизни ученого и обстоятельства, при которых он на полтора года оказался в Московском государстве. Характеризуются политические мотивы, исходя из которых Петрици было предпринято переложение од и эподов Горация. С одной стороны, это произведение носило пропагандистский характер и призывало поляков начать войну с Московским государством. С другой стороны, оно вновь «воскрешало из мертвых» убитого в результате боярского заговора царя Лжедмитрия I и давало читателю надежду на то, что он все-таки мог спастись. В-третьих, произведение оказывало психологическое воздействие — успокаивало оказавшихся в плену польских аристократов, приехавших на свадьбу Марины Мнишек. Обращается внимание на то, что первый в истории славянской письменности полный перевод лирических произведений Горация был осуществлен при меценатстве семьи Мнишек и им же посвящен автором. Делается вывод о том, что он может служить ценным историческим источником для психологической характеристики польских участников событий Смутного времени.

Ключевые слова: Смутное время; Гораций; Себастьян Петрици; Марина Мнишек; Лжедмитрий I; Лжедмитрий II; Юрий Мнишек; Московское государство; Речь Посполитая.

1. Биография Себастьяна Петрици

Среди почти четырехтысячной свиты свадебных гостей, приехавших в Москву на бракосочетание Марины Мнишек с царем Дмитрием Ивановичем

чем, был человек по имени Себастьян Петрици — ученый и поэт исключительного таланта, который, по выражению современника Андрея Леховича, «заново дал полякам Горация» [Petrycy, 2006, s. 231]. Наука и поэзия в те времена являлись частью придворной жизни, и аристократические семьи, в том числе и в Речи Посполитой, приближали к себе способных в этом отношении людей, сотрудничая с ними с обоюдной выгодой. Сам Петрици очень точно писал о характере взаимоотношений между магнатами и людьми творчества следующим образом: «Богат не тот, кто имеет много, но тот, кто много и щедро дает... Для добродетели необходимы две вещи: 1. творить добрые дела, особенно когда есть на это средства, как поступают знатные господа, которые имеют деньги на приобретение славы; 2. иметь кого-то, кто бы прославлял эти дела на письме, дабы они были памятны потомкам. Существовало много достойных людей кроме тех, о которых мы часто вспоминаем, но у них не было того, кто бы описал их дела, и память по ним сгинула. Умолчать о добрых делах все равно что и вовсе их не делать... Необходимо уважать и хорошо платить историку, дабы он описывал добродетельные людские поступки... Пусть кто и имеет много денег, но что в них, когда влюбленные в золото не употребляют его на приобретение славы и бессмертия» [Petrycy, 2006, s. 181, 184]. Отец Марины сандомирский воевода Юрий Мнишек стал, пожалуй, наиболее благодарным покровителем разностороннего таланта Петрици, нашедшего в лице этого образованного и амбициозного аристократа, подобно Горацию, своего «Мецената». Выдающимся плодом данного сотрудничества становится произведение «Гораций Флакк в трудах московского пленника», которое современные польские филологи называют «первым в польской литературе (и во всей славянской письменной культуре) практически полным переложением лирики Горация», а для того, чтобы оценить его значение для славянской культуры с исторической и историколитературной точек зрения, «должны были пройти века» [Wójcicki, 2006, s. 5—6]. Для нашего же исследования, как чисто исторического, в этом труде важно то, что он представляет собой описание на основе од и эподов Горация обстоятельств и переживаний, постигших в Московском государстве как самого автора, так и его окружение и покровителей. Не будем забывать также и о политических целях, которые видели Мнишки и их сторонники в публикации данного произведения, а благодаря как обстоятельствам, так и таланту популярного в Речи Посполитой поэта они были отчасти достигнуты.

Коротко представим здесь основные вехи биографии этого поистине «титана» позднего польского ренессанса. Себастьян Петрици (1554—1626) был родом из Пильзна в Сандомирском воеводстве и происходил

из мещанской семьи виноторговца. Настоящая родовая фамилия его была Петшик, однако согласно тогдашней моде ученые латинизировали свои имена, и Петшик во время учебы в Краковском университете становится Петрици, подписывая этим именем все свои последующие произведения. Свое вхождение в научное сообщество он начинал как в чистом виде гуманитарий, занимаясь философией, поэтикой и риторикой, даже возглавив кафедру риторики, однако в 1589—1591 годах решил изучать медицину в Падуанском университете, получив степень доктора медицины за работу о «французской болезни», как тогда именовали сифилис [Sebastyan Petrusy ..., 1957]. Видимо, войдя в конфликт с университетскими властями в Кракове и не получив там медицинской кафедры, он решает круто изменить свою жизнь и покидает столицу, в 1591 году уезжает на восток Речи Посполитой, в поликультурный и многоязычный Львов, где оседает на последующие десять лет, женится и заводит обширную частную врачебную практику. С этого времени он очевидно начинает общаться с семьей «хозяина города», львовского старосты Юрия Мнишка и оказывать ей услуги медицинского плана. Хроника львовских монахов-бернардинцев сохранила сведения о том, что в 1600 году Мнишек был столь тяжело болен, что окружение ожидало его кончины, и, вероятно, в его лечении участвовал в том числе и краковский профессор. Как бы то ни было, но после выздоровления благодарный пациент рекомендует Петрици, желающего вновь вернуться в Краковский университет, своему двоюродному брату, «князю церкви» краковскому кардиналу Бернарду Мациевскому в качестве придворного врача. Покровительству Мациевского Петрици скорее всего был обязан улаживанием конфликта в университете и возвращением в качестве профессора на медицинский факультет этого учебного заведения. Однако у него остается весьма мало времени на преподавание: он сосредоточивается на своих придворных функциях и работает над делом всей своей жизни — комментированным переводом на польский язык трудов Аристотеля (части «Экономика» и «Политика» издаются в Кракове в 1602 и 1605 годах) [Польские ..., 1960]. В 1603 году Петрици совершает поездку во Францию, сопровождая патрона, в это время в свите краковского епископа находится также его племянник — ксендз Генрих Фирлей, а также предположительно и сыновья Юрия Мнишка Николай и Сигизмунд, отправленные на обучение в Парижский университет. По крайней мере, к этому периоду следует отнести близкое знакомство ученого с этими молодыми людьми, которым он и посвятит свое переложение Горация.

В 1606 году, воодушевленный возвышением дочери своего прежнего покровителя Мнишка, Петрици отправляется в Москву в качестве при-

дворного врача, однако не оставляет и научных планов, намереваясь и там работать над переводом «Этики» Аристотеля. О мотивах своей поездки он пишет следующим образом: «Имущество есть средство для добрых дел... Ради этого средства я ездил в Москву, где желал получить опору для... жизни, но более того потерял. Но я не забывал жить, и прежде всего душой» [Petrușcu, 2006, s. 38]. Кровавые события 27 мая 1606 года и последующий плен стали трагедией как для семьи Мнишек, так и для всего их окружения. «Тягостно слышать об этом», — пишет Петрици, — «быть при этом еще тяжелее. Мы стали примером покорного терпения» [Там же]. Вскоре после переворота Мнишков высылают в Ярославль, Петрици же оставляют в Москве вместе с задержанными польскими послами, что сам Юрий Мнишек, длительно и тяжело болевший, воспринимает не иначе как косвенное злоумышление нового правительства В. Шуйского на свою жизнь. Его просьбы и жалобы ни к чему не приводят: краковский профессор проводит полтора года плена в столице, однако воздаст должное патрону и всей его семье другим образом: переводит и перелагает для них оды и эподы Горация. Возвратившись в Краков в конце 1607 года, он, забросив свою работу над «Этикой» Аристотеля, продолжает дописывать начатое в Москве произведение, поскольку понимает, насколько важен текущий политический момент для семьи покровителя, и такой подход, надо полагать, был следствием его искреннего уважения и преданности людям, членом семьи которых он фактически стал за эти долгие годы. Петрици, будучи известным врачом, вполне мог обеспечить себя широкой медицинской практикой, но в данном случае он не стеснялся и в высокой поэзии становиться «адвокатом» самозванцев, причем вовсе не из материальных соображений: он попросту любил семью Мнишек и всеми своими многочисленными талантами желал ей помочь.

2. Анализ произведения «Гораций Флакк в трудах московского пленника»

Произведение «Гораций Флакк в трудах московского пленника» было издано в Кракове в начале 1609 года, когда Мнишки очень нуждались в поддержке со стороны общественного мнения в Речи Посполитой. Петрици весьма трогательно посвятил его сыновьям воеводы, Николаю и Сигизмунду Мнишкам, молодым людям, с которыми близко общался при дворе Мациевского: он призывает погруженных в изучение философских трактатов юношей брать примеры мужества как в поэзии Горация, так и в поведении собственного отца, чье мужество и любовь к античной мудрости помогают ему переносить несчастья [Эйльбарт, 2015, с. 122—123].

С точки зрения исторического анализа, на наш взгляд, данное произведение можно разделить на несколько сюжетных линий. Одна часть стихотворений рассказывает о судьбе московского царя Дмитрия, вторая — призывает поляков начать войну с Московским государством, третья — утешает семью Мнишек и других пленников, четвертая — описывает собственные психологические переживания и обстоятельства жизни поэта, пятая — переведена с латинского оригинала без изменений (причем Петрици исключает из перевода девять од, перевод которых осуществил в свое время Ян Кохановский). Руководствуясь тем, что статья наша посвящена героям Смутного времени, рассмотрим три первые группы.

Вопрос о «воскрешении Дмитрия», несомненно, занимал и озадачивал польское общество. Петрици на первый взгляд довольно запутанно говорит о том, жив ли тот Дмитрий, который был коронован и венчался в Кремле с Мариной Мнишек. В тексте стихов и сопроводительных комментариев к ним встречаются взаимоисключающие сведения: «убит», «убит или изгнан», «погублен», «воскрес», «не убит», «убили подставного». О причинах таких метаний автора можно судить только с позиций исторического анализа данного произведения, поэтому приведем здесь несколько характерных фрагментов, в которых отражена судьба Дмитрия. Вполне достоверные сведения о нем Петрици приводит во введении и в комментариях к некоторым стихам. Например, на второй же странице в посвящении он указывает, что книга его написана «на утешение скорби», когда «бояре Дмитрия, царя и государя своего, принеся ему присягу послушания, тихо замыслив измену, предательски убили» [Petrcy, 2006, s. 33]. В комментариях к пятой оде пятой книги Петрици также однозначен и приводит всем известные реальные факты: «Убивши Дмитрия, своего царя, москвитяне на несколько дней оставили на площади его тело, потом похоронили его в могиле в поле за городом, и в третьих вновь, выкопав, сожгли, и смешавши прах с порохом и набивши пушку, выстрелили. Таково было издевательство над трупом, непристойное для христиан, да хоть и не были бы они христианами, ненужное» [Petrcy, 2006, s. 203]. В десятой оде той же пятой книги автор, проклиная отъезжавшего на войну с Болотниковым В. Шуйского и желая ему «ужасной дороги и гибели на войне», вновь определенно в вопросе жизни и смерти Дмитрия (здесь и дальше стихотворения представлены в нашем переводе):

*Во злое время и в ужасный час
Выехал тот, кто смуты стал причиной,
Убив пред тем законного царя
Димитрия, своего господина.*

*Тот, кто, убив, воссел на его царстве
В Европе, в Великом княжестве Московском,
Он похититель жадный государства,
Изменник государя своего [Там же, с. 210].*

Однако в других местах Петрици не только зароняет сомнение в душу читателя насчет гибели Дмитрия, но и напрямую и довольно патетически объявляет его воскресшим. «Часто приходило известие, что Дмитрий, царь московский, жив, вырвался из рук своих изменников, но мы считали это невозможным. Однако, поскольку сие известие ежедневно приходило вновь, а человек легко верит в то, что был бы рад увидеть, я также с радостью ухватился за эту мысль», — писал он в комментариях к тридцать пятой оде первой книги [Эйльбарт, 2013б, с. 85]. Очевидно, плодами его убежденности, скорее, разумеется, мнимой, становятся пятнадцатая и тридцать шестая ода этой же книги, которая не только развивает тему «воскрешения», но достаточно агрессивно предрекает крах всем врагам семьи царицы Марины Мнишек, которых покарает как восставший призрак, так и его «Болотный гетман» (то есть предводитель восстания против царя Василия Шуйского И. И. Болотников). В пятнадцатой оде Петрици с художественной точки зрения весьма изысканно облакает текст в форму пророчества бога Аполлона:

*Москаль же госпожу, что посадил на царстве,
Когда в темницу жалкую в неволю проводил,
Тогда же Аполлон-пророк, о том подумав,
Предрек Москве, что сделается с ней:*

*«В тюрьму царицу, зло убивши мужа,
Ты отправляешь в несчастливый час! Москва лихая!
Жители России, сговорившись,
За злость свою же в пропасть упадут!*

*...Сам Дмитрий ваш, которого на свете не было,
Как слышно, на гибель вашу восстает из гроба,
И если дважды он не был убитым вами,
То ваша мощь поспешно растворится.*

*Как много трупов видим вокруг града,
И еще больше войско против вас спешит!
Идет же против вас Болотный гетман,
Для войска нового охотный предводитель.*

*Что мыслите теперь о тех, кого пленили?
Не ваши ль головы в опасности теперь?
Ведь сами Мнишки, метучись от яда,
Из заточенья вылетят теперь.*

*Перед которыми, аки олень, узривший вдали
За собой волка и оставив корм, бегущий,
Вы задрожите так, что и на бегство
Не хватит вам потребного дыханья.*

*Несчастливая пора в Москве тогда настанет,
Когда последний день ей то семейство принесет.
Недолго ждать: лишь только лето минет,
Когда Москва уж скоро от поляков сгинет»* [Petrycy, 2006, s. 63—64].

Таким образом к концу пятнадцатой оды Дмитрий скорее жив, о чем автор «поет триумф» в тридцать шестой оде, которую он озаглавил «Радостная весть». Здесь он уже совершенно однозначно пишет — «вместо Дмитрия убили подставного», «Господь Бог дал ему вырваться из рук царубийц», «он примкнул к добродетельным поданным».

*Теперь здоров, с людьми идет с Путивля
К Москве, желая отомстить
И покарать грехи, измену,
И вновь, даст Бог, на троне воцарить.*

*Всех одарит тогда своей любовью
И Мнишкам милым он закатит пир
Прекрасный, в память о своих скитаньях.
И половине сердца своего,
Марине, возлежа на ложе,
Он вытрет слезы и развеет грусть.
Пусть этот день на радость будет всем
И пусть везде восславят Божью силу* [Там же, с. 86].

Чутко ориентировавшиеся в политической ситуации покровители второго самозванца вполне справедливо полагали, что Дмитрий жив до тех пор, пока есть поданные, недовольные Василием Шуйским [Эйльбарт, 2012a]. Будучи верным выразителем их интересов, Себастьян Петрици пре-

красно понимал: по Речи Посполитой кружат разные слухи относительно судьбы самозванного московского царя, и, дабы не вызвать резкой критики и насмешек со стороны тех, кто действительно мог видеть на Красной площади его труп, поэт предусмотрительно окутывает все ореолом таинственности. Во введении к сборнику переводов и в комментариях Петрици пишет о Дмитрии как о реальном историческом лице и сообщает достоверные факты как очевидец событий. В то же время в переложении Горация Дмитрий появляется как художественный собирательный образ мстителя за обиду семьи Мнишек, в частности, и поляков вообще, как некий мистический шекспировский «призрак отца Гамлета», и здесь дозволено все, в том числе и воскрешение из мертвых. Автор стремится внушить читателю, что в независимости от того, жив или нет Дмитрий, призрак он или реальность, суть остается неизменной: поляки должны отомстить Шуйскому за бесчестье, за пленение послов и кровавое утро 27 мая 1606 года, в целом же русским «за все прежние обиды» и восстановить благородную справедливость — вновь возвести Марину на трон.

Поэт достигает своей цели военной пропаганды при помощи довольно традиционного способа: широкого использования стереотипов при очернении оппонентов, а также посредством взывания к польскому национальному чувству и дворянской чести шляхты. Говоря о «москвитянах» и используя также определение «Русь» и «российский народ», Петрици употребляет множество негативных эпитетов. Русских он называет «соседями-изменниками», «злыми и грубыми», «хитрыми москвитянами», «народом, жестоким в убийстве», бояр же «гордыми и кичливыми». Петрици не щадит и шведов, союзников Шуйского, и нарекает их «изменниками, топчущими чужие пороги жадными ногами». [Petrusy, 2006, s. 105]. Нужно отдать должное автору: он весьма искусно выполняет «политический заказ» своих высоких покровителей и доказывает необходимость войны для разных категорий своей так называемой целевой аудитории, по отдельности обращаясь к шляхте, ближайшему королевскому окружению, гетманам и, наконец, к самому Сигизмунду и его сыну Владиславу. Прежде всего Петрици взывает к родственным чувствам тех, чьи близкие погибли в Москве. В 24 оде первой книги, посвященной освенцимскому старосте Николаю Комаровскому, брат которого был убит, автор с выразительной патетикой перечисляет жертв «коварных соседей»:

Нет вас: Ян с Живца, Бал и Голуховский,

Спят Склиньский, Домарацкий, Борша и Стиежовский!

Но кто же может этих жертв железа

Всех перечислить и без скорби, разом? [Там же, с. 73]

В комментариях к шестой оде третьей книги он пытается пристыдить лень и миролюбие шляхты, возбудив у нее воинственный дух, который, по его словам, был присущ предкам: «Удивительная вещь, как всегда мы были готовы к войне, даже не имея на то причины. Король Болеслав ради одного датчанина-беглеца, хорошо зарекомендовавшего себя в своей земле, с войском пошел на Данию; это была малая чужая обида, и тем не менее нетрудно было ради нее начать войну. Теперь же мы для войны ленивы и тяжелы на подъем, хотя и великая есть для нее причина: взята Лифляндия, и трудно ее нам отобрать назад. Оскорбление и унижение причинено Польше в Москве убийством польских людей, которые добровольно приехали на царскую свадьбу, заключением под стражу послов и остатка людей, которых не убили. И мы позволим не смыть с себя этот позор? И смиримся с ним? С такими людьми? С теми, каких нет в Польше даже среди самых убогих. Чему мы стали свидетелями в их гражданской войне» [Petruşcu, 2006, s. 134].

В девятой оде пятой книги, которая была посвящена Горацием битве при Акции и победе Октавиана над войсками Марка Антония и Клеопатры, Петриций перефразирует строфы и антистрофы следующим образом:

Дела московские, как видно, так смешались,

Что та война гражданская подданных губит...

Оттуда нам надежда на свободу

Показалась: свершится справедливость,

Освободят невинных узников, войны

Они желать не будут с нами вовсе.

Мы только этого все терпеливо ждем

И в руки Бога отдаем все это,

Он рассудит, как делу нашему помочь [Там же, с. 208].

Из этого следовало, что необходимо вмешаться в гражданскую войну в Московском государстве, которая велась между сторонниками и противниками В. Шуйского, поскольку это обезопасит Польшу от нападения со стороны Москвы и освободит пленных. В таком случае Речь Посполитая выступит тут в роли Октавиана, в роли Рима в широком смысле, значение которого в решении проблем восточного соседа Петрици видит следующим образом:

Пусть будут Капитолий с Римом на века,

Народам благодарным раздавая право [Там же, с. 125].

Поэт весьма тонко чувствовал, понимал менталитет польской шляхты, для которой наряду с гонором и спесью было характерно осознание превосходства над «москвитянами», восприятие себя как людей свободных,

наделенных правами, в отличие от русских, по мнению поляков, пребывающих в рабстве. Он даже приводит следующую легенду касательно «римских корней» литовской шляхты: «Хроники пишут, что литвины не могли терпеть тирании Нерона в итальянских землях и ушли в те края, где Вильно или окрестности Вильна и где теперь Жмудь» [Там же, с. 174]. Лозунг «распространения прав и свобод» был популярен и служил оправданием военным конфликтам, поэтому неудивительно, что и в своем переложении Горация Петрици решил им воспользоваться. В то же время в момент создания книги и пребывания в плену ее автора в самой Речи Посполитой царил ситуация, когда шляхетские права существенно раскачали основы государства. Сандомирский рокош, направленный против короля и его окружения, который Петрици сравнивал с гражданскими распрями в Риме времен Метелла и называл «игрищами фортуны», стал своего рода «резервом лишних сабель» для смут, происходящих в Московском государстве. Зная об этом, поэт намекает на выход для проигравших рокошан, который мог бы быть им выгоден: «Богатство надлежит тратить, а не прятать. Например, если бы сейчас какой-либо вельможный пан вместе с приятелями на свои деньги собрал солдат и сделал бы что полезное с Москвой или с татарами, то хоть бы и весь скарб свой потратит на эти нужды, то будет это лучше, нежели бы вовсе не касался его» [Там же, с. 93]. Таким образом, чем вести гражданскую войну между собой, лучше, как гласит 7 ода пятой книги, «путами связать Москву» [Там же, с. 205]. Помимо рокошан (например, краковского воеводы Николая Зебжидовского), объектом для военной пропаганды Петрици становятся и влиятельные при королевском дворе вельможи, которым он посвящает отдельные оды. Среди них русский воевода Станислав Гольский, виленский воевода Николай Кристоф Радзивилл, маршалок двора Николай Вольский, коронный подचाший Адам Иероним Синявский, «многопобедный храбрец» и «хитроумный Улисс» литовский канцлер Лев Сапега). Он обращается и к памяти воевавшего с Московским государством короля Стефана Батория (ода 12 четвертой книги), и к «тени Яна Замойского», к которому «москаль, поцеловавши меч свой, пал под ноги» (14 ода четвертой книги), а также к ныне живущим военачальникам: Яну Карлу Ходкевичу (3 ода четвертой книги) и «Геркулесу» Станиславу Жолкевскому, которого он величает «каменной стеной» отечества (13 ода четвертой книги). О гетманах поэт пишет в весьма высокопарных выражениях, будто возлагая на них особенную надежду в деле спасения польских пленных:

*Иль ты, Жолкевский, лаврами почтенный,
Иль ты, Ходкевич, гневный аки Марс,*

*Прибуди на мщение с ярмом на злое племя
Земли Московской [Там же, с. 44].*

Но, разумеется, как Петрици, так и его покровители прекрасно понимали, что поддерживать их интересы с самозванцами во имя интересов Марины королевское окружение не будет, поэтому они довольно тонко подсказывают им, какую выгоду можно извлечь из войны с Москвой [Эйльбарт, 2013a]. В пятой оде третьей книги, названной «Обращение к престолу», поэт пишет:

*Мы, королевич Владислав, тебя
За бога станем почитать, когда с Коронаой
Москву соединишь и Септемтрионы [Petrycu, 2006, s. 130].*

Разумеется, слова эти не могли не привлечь внимание регалистов, а для покровителей Петрици главным было начать войну, из которой каждая сторона надеялась извлечь плоды [Эйльбарт, 2016]. В довершение всех дифирамбов сторонникам короля он называет Сигизмунда «стражем детей наших» и в случае укрощения восточного соседа предрекает монарху бесмертие:

*Бессмертен будешь ты в молве людской
С богами севши рядом... [Petrycu, 2006, s. 39]*

Было бы неверно думать, что книга Петрици носит только пропагандистский характер. В ней есть и лирика, и, на наш взгляд, искренние чувства ученого к своим покровителям, которые скорее являлись проявлением дружеских отношений, нежели напоминали подобострастие клиента перед патроном. Например, Юрию Мнишку он посвящает две оды (9 и 17 оды второй книги), в коих словами Горация намеревается утешить воеводу и его семью, в то же время пытаясь вызвать сочувствие и жалость к ним и у читателя. Девятая ода в оригинале была написана Горацием другу, политику и поэту Вальгию Руфу, эпиграфом к ней Петрици сделал изречение: «Не вечно тучи плачут дождем». Дружески обращаясь к своему покровителю, приятелю и пациенту, поэт развивает тему непостоянства и преходящести всего сущего:

*Не каждый месяц в злой Москве трещат
Морозы, не всегда в лесу ломает ветер ветви.
Гляди, как летом все в листе зеленой,
Теперь деревья голые стоят.*

*Твои же, светлый воевода, очи
Не высыхают, плача дни и ночи,*

*Ведь наилучшего из многих близких
Друга неожиданно ты лишился.*

*Не все же годы Нестор горевал
По умершему Антилоху.
Приам Троила, сына и надежду
Оплакивал не ежечасно.*

*Не вечно плакали о брате
Его родные сестры.
Перестань и ты уж более стенать,
Веселым ожидай мгновений лучших.*

*Тогда ты вновь большой триумф одержишь
Над неприятелем, который согласился
Твоим несчастьем быть и, о, изменник,
Московского царя и зятя погубил.*

*И даст то Бог, узрим у ног твоих
И Борисфен, и Язузу коварных,
Молящихся о милости твоей. И тем твои несчастья
Со славою твоей вознаградятся [Там же, с. 101—102].*

Символичны здесь упоминания Борисфена (Днепра) и Язузы, вероятно, первый из них ассоциируется у автора со Смоленским и Северским княжествами, которые согласно договору Лжедмитрия I с сандомирским воеводой должна была получить в управление семья Мнишек [Эйльбарт, 20126], Язуза же символизирует изменчивый нрав «москвитян», подобно тому, как у Горация непредсказуемым выступает Тибр.

Высшее предназначение и нелегкая переменчивая судьба сильных мира сего красной нитью проходят по всему произведению поэта, в нем не единожды повторено: «ни один человек не может знать о том, чего ему опасаться» [Петрусу, 2006, s. 107], следовательно, остается только смело идти по жизни, «в нужде крепиться», «не верить завтрашнему дню и жить настоящим», смотря в лицо опасности.

*Высоким древом ветер всем владеет,
Чем выше башня, тем тяжелее упадет,
И по вершинам гор высоких
Со всех сторон бьют молнии [Там же, с. 102].*

Утешению патрона посвящена еще одна, семнадцатая ода второй книги. Гораций посвятил ее Мecenату, начав словами: «Вместе пойдем с тобой, Куда ни поведешь, мы вместе, Путь я последний свершить готов!» Отношения между поэтом и покровителем — между Горацием и Мecenатом — Петрици проецирует на свою жизнь и выводит себя самого в образе Горация, в образе же Мecenата предстает Юрий Мнишек. Несомненно, сандомирский воевода был для Петрици внимательным и заботливым покровителем, поскольку поэт вложил в эту оду столько рефлексии, что ее хватило бы на все остальные оды, вместе взятые. В ней он много рассуждает о смерти и вспоминает о том, что во время московского бунта едва не был убит стрелой, предназначавшейся патрону. В этом доктор увидел особый знак: идя вместе по жизни, Гораций и Мecenат умерли с разницей в несколько месяцев и были похоронены рядом, и Петрици пророчествует подобный исход для себя и своего покровителя, не желая без него жить на свете. Этому, согласно астрологическим вычислениям поэта, способствуют и звезды, ведь установленные по рождению их знаки зодиака также находятся рядом: Петрици родился под знаками Весов и Скорпиона, Мнишек — Козерога и Водолея. Нам привелось изучить немало польских старопечатных изданий, где поэты воздавали должное своим покровителям в приторно низкопоклоннической форме, но на их фоне ода Петрици, во-первых, выглядит более глубокой и искренней, а во-вторых, автор, демонстрируя свою привязанность к патрону, преподносит ему не только талант, но и жизнь, заверяя, что живет и умрет вместе с ним, что само по себе не встречается у других известных нам авторов. Ода пронизана и заботой о здоровье воеводы, из чего видно, что даже в стихах доктор Петрици не перестает быть врачом. «К чему плачевный стон меня терзает твой?» — вопрошает автор в латинском эпиграфе к стихотворению, пытаясь успокоить любимого мecenата:

*Беспокоишь ты меня, о пан мой воевода,
Своим стенаньем.
Не хочется ни мне, ни, кажется, и Богу,
Чтобы в Москве достиг ты смертного порога.*

*Если твоего возраста лета
Зрелостью своей сживают с света,
Чего же ожидать моей душе,
Не обретая мира в теле этом?*

*Тот день обоих нас ударил,
Хотя мы не поклялись в том,
Чтоб умереть совместно.
Знать, нам и дальше в веселье вместе быть.*

*Не огнедышащая тварь,
Ни сам Гигант сторукий вовеки
Не разделят нас, так желает Правда
Могучая, и Парков на то воля.*

*Злой ли Скорпион, или Весы
Родиться помогли мне,
Иль Козерог следил косящим глазом,
Когда к реке стремился мокрый Водолей,*

*Явления счастья твоего согласны
С днем моего рожденья.
Тебя Юпитер вырвал из лап Сатурна
И передал в защиту Орла созвездия.*

*Когда Москва железом острым
Всех нас хотела вместе перебить,
Меня стрела едва там не пробила,
Которая была направлена в тебя.*

*Но Феб меня оборонил,
Склонивши свою милость к рифмоплету,
И он могучей силою своей
В несчастье для меня пребыл защитой.*

*И ты за то в пожертвованье Богу
По мере положенья своего
Костел построишь, бедности ж моей
Достаточно ягненка дать в закланье [Там же, с. 112—113].*

Нам представляется очевидным, что, хотя стихи Петрици публикуются в Кракове, однако находящаяся в то время в Тушинском лагере Марина Мнишек должна была получить экземпляр книги, и это стало для сверженной царицы несомненным утешением. Более того, она даже перефразирует

Петрици, который в обращении к ее отцу говорил о том, что «не вечно тучи плачут дождем», Марина же в письме к родственнику С. Стадницкому пишет о солнце, которое не вечно закрыто тучами и не перестанет сиять. В 27 оде третьей книги, которую Петрици озаглавил «Насильственный отъезд царицы из Москвы», он призывает эту молодую женщину, которую знал с детства, быть стойкой и видеть смысл даже в собственных несчастьях, сравнивая ее с похищенной Зевсом Европой:

*Женою Юпитера непобедимого
Умей быть, и не плачь, череду великого успеха
С достоинством сноси; и поделенный на три части мир
Получит твое имя.*

*Так и Европа виделась погибшей,
Но сделалась великою царицей
Царевна, когда уж сомневалась в счастье,
Тогда его познала [Там же, с. 158—159].*

В комментариях к этой оде, подобно строгому учителю, Петрици, ставя перед собой цель внушить Марине подобающие идеальному монарху сдержанность и умеренность, пишет следующее: «Не без причины я говорю достойно переносить свое счастье, потому как выдержать счастье труднее, чем несчастье, ибо счастье обычно способствует сомнению пустых людей, вводя их в напыщенность, дерзость, преступления и беспамятство; так они, возвышенные счастьем, пренебрегают другими, бездельничают, посягают на чужое, преступают через право, не уступая и равным, делают, что хотят, и посему за свою невоздержанность получают справедливое наказание. Таким образом, в несчастье открывается дорога к добродетели, к мужеству, к действиям, к подавлению гордости и порочных желаний» [Там же, с. 159]. Философия поэта оказалась чрезвычайно действенной: Марина настолько прониклась ею, что начала каяться во многом том, что свершала в короткие девять дней своего царствования, поверяя свое сожаление даже придворным. Немец Конрад Буссов так писал об откровениях, лично слышанных им от нее: «Эту неподобающую надменность часто вспоминала в заключении ... овдовевшая царица и тяжело скорбела о том, что никогда всем сердцем не была благодарна Господу Богу за такую милость, что он ее, всего только дочь воеводы, возвысил до такого брака и удостоил стать царицей в столь могущественной монархии. Она говорила, что они с покойным супругом слишком возгордились своим саном

и тем тяжко согрешили против Господа Бога, почему на нее и на ее супруга столь быстро и незамедлительно обрушилась такая страшная кара, и что она дала обет, если Бог снова поможет ей в этой беде, никогда больше не проявлять высокомерия» [Буссов, 1998, с. 76—77].

3. Заключение

Остается неизвестным, насколько тесно Себастьян Петрици общался с семьей Мнишек после выхода в свет вышеозначенного труда. Смерти обоих покровителей, Мациевского и Мнишка, несомненно, ослабили и его позиции в университете, откуда ему пришлось из-за интриг навсегда уйти в 1616 году, после чего он занялся врачебной практикой среди простых людей, уже более никогда не вмешиваясь в борьбу сильных мира сего. Несомненно, он сожалел о «московском» периоде своей биографии, что отразилось в написанной им самим шутливой эпитафии:

Здесь, возвратившись, Себастьян Петрици,

С земли Московской недвижим лежит.

В других краях он вам бывать не возбраняет,

В Москве же — не советует того [Petrycy, 2006, s. 97].

Но, как бы то ни было, именно политическая борьба в Речи Посполитой и интересы семьи Марины Мнишек вызвали к жизни талантливое переложение Горация, которое, без сомнения, является выдающимся литературным памятником эпохи [Budzyńska-Daca, 2006; Łoś, 1914; Wąsik, 1923; Trościński, 2006].

Источники

1. *Petrycy S. Horatius flaccus w trudach więzienia moskiewskiego* / S. Petrycy. — Warszawa, 2006. — 461 s.
2. *Sebastian Petrycy. Uczony doby Odrodzenia* / red. H. Barycz. — Wrocław-Warszawa, 1957. — 284 s.

Литература

1. *Буссов К. Московская хроника* / К. Буссов // Хроники Смутного времени. — Москва : Фонд Сергея Дубова, 1998. — С. 76—77.
2. *Польские мыслители эпохи Возрождения* / сост. И. С. Нарский. — Москва : Академия наук СССР, 1960. — 320 с.
3. *Эйльбарт Н. В. Лжедмитрий II : происхождение и гибель. Свидетельства польских документов Государственного архива Швеции* / Н. В. Эйльбарт // Вестник Забайкальского государственного университета. — 2012. — № 11. — С. 3—10.
4. *Эйльбарт Н. В. Лжедмитрий I и политическая элита Речи Посполитой : мифы и факты* / Н. В. Эйльбарт // Вестник Забайкальского государственного университета. — 2012. — № 12. — С. 19—27.

5. *Эйльбарт Н. В.* Поход Сигизмунда III и королевича Владислава к Москве в письмах ксендза Якуба Задзика (1612—1613 гг.) / Н. В. Эйльбарт // Вестник Забайкальского государственного университета. — 2013. — № 1. — С. 3—12.

6. *Эйльбарт Н. В.* Смутное время в польских документах Государственного архива Швеции : комментированный перевод и исторический анализ / Н. В. Эйльбарт. — Новосибирск : Издательство СО РАН, 2015. — 401 с.

7. *Эйльбарт Н. В.* Семья Марины Мнишек : несостоявшиеся правители России / Н. В. Эйльбарт. — Санкт-Петербург : СПбГУ, 2015 — 232 с.

8. *Эйльбарт Н. В.* Рукопись «Дневника Мартина Стадницкого» как источник по истории Смутного времени / Н. В. Эйльбарт // Клио. — 2016. — № 11 (119). — С. 59—66.

9. *Budzyńska-Daca A.* O cudownym rozmnożeniu Dymitrów, czyli retoryka wielkiej mistyfikacji / A. Budzyńska-Daca // Napis, Seria XII. — 2006. — S. 157—169.

10. *Łoś J.* Ustęp / J. Łoś // Horatius Flaccus w trudach więzienia moskiewskiego / S. Petrycy. — Kraków, 1914. — S. 3—4.

11. *Trościński G.* „Wiek naprawdę stracony”. Poezja Sebastiana Petrycego jako świadectwo klęski wyprawy moskiewskiej / G. Trościński // Napis. — Seria XII. — 2006. — S. 139—155.

12. *Wąsik W.* Sebastian Petrycy z Pilzna i epoka : ze studiów nad dziejami filozofii w Polsce i recepcją Arystotelesa / W. Wąsik. — Warszawa, 1923. — Z. 1.

13. *Wójcicki J.* Wprowadzenie do lektury / J. Wójcicki // Horatius flaccus w trudach więzienia moskiewskiego. — Warszawa, 2006. — S. 5—31.

“Horace for Marina Mnishek”: Heroes of Time of Troubles in Poetry by Sebastian Petritsi

© **Eylbart Nataliya Vladimirovna (2017)**, Doctor of History, professor, Department of Russian History, A. I. Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russia), ejlbart@mail.ru.

The historical analysis of “Horatius Flaccus in the works of the Moscow prisoner” is made, the outstanding work of Polish Renaissance era, written by Dr Sebastian Petritsi — Professor of Krakow University and the doctor of the family of Marina Mnishek. Biographical information about the scientist's life and the circumstances in which he had been staying in the Moscow state for a year and a half are covered. Political motives are characterized, based on which Petritsi translated the odes and epodes by Horace. On the one hand, this work had as propaganda and urged the Poles to start a war with Muscovite state. On the other hand, it once again “raised from the dead” the Tsar False Dmitry I killed by a boyar conspiracy and gave the reader hope that he still could be saved. Thirdly, the work had a psychological impact — stilled captive Polish aristocrats, who came to the wedding of Marina Mnishek. Attention is drawn to the fact that the first in the history of Slavic literature complete translation of the lyric works of Horace was carried out with the support of the family Mnishek and dedicated to them by the author. It is concluded

that it can serve as a valuable historical source for the psychological characteristics of the Polish participants in the events of the Time of Troubles.

Key words: Time of Troubles; Horace; Sebastian Petritsi; Marina Mnishek; False Dmitry I; False Dmitry II; Yuri Mnishek; Muscovite state; Polish-Lithuanian Commonwealth.

Material resources

- Barycz, H. (red.) 1957. *Sebastian Petrycy. Uczony doby Odrodzenia*. Wrocław-Warszawa. (In Pol.).
- Petrycy, S. 2006. *Horatius flaccus w trudach więzienia moskiewskiego*. Warszawa. (In Pol.).

References

- Bussov, K. 1998. Moskovskaya khronika. In: *Khroniki Smutnogo vremeni*. Moskva: Fond Sergeya Dubova. (In Russ.).
- Eylbart, N. V. 2012. Lzhedmitriy I i politicheskaya elita Rechi Pospolitoj: mify i fakty. *Vestnik Zabaykalskogo gosudarstvennogo universiteta*, 12: 19—27. (In Russ.).
- Eylbart, N. V. 2012. Lzhedmitriy II proiskhozhdeniye i gibel. Svidetelstva polskich dokumentov Gosudarstvennogo arkhiva Shvetsii. *Vestnik Zabaykalskogo gosudarstvennogo universiteta*, 11: 3—10. (In Russ.).
- Eylbart, N. V. 2013. Pokhod Sigizmunda III i korolevicha Vladislava k Moskve v pismakh ksendza Yakuba Zadzika (1612—1613 gg.). *Vestnik Zabaykalskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1: 3—12. (In Russ.).
- Eylbart, N. V. 2016. Rukopis' «Dnevnika Martina Stadnitskogo» kak istochnik po istorii Smutnogo vremeni. *Klio*, 11 (119): 59—66. (In Russ.).
- Eylbart, N. V. 2015. *Semya Mariny Mnishek: nesostoyavshiyesya praviteli Rossii*. Sankt-Peterburg: SPbGU. (In Russ.).
- Eylbart, N. V. 2015. *Smutnoye vremya v polskich dokumentakh Gosudarstvennogo arkhiva Shvetsii: kommentirovannyi perevod i istoricheskiy analiz*. Novosibirsk: Izdatelstvo SO RAN. (In Russ.).
- Łoś, J. 1914. Ustęp. In: Petrycy, S. *Horatius Flaccus w trudach więzienia moskiewskiego*. Kraków. (In Pol.).
- Narskiy, I. S. 1960. *Polskiye mysliteli epokhi Vozrozhdeniya*. Moskva: Akademiya nauk SSSR. (In Russ.).
- Trościński, G. 2006. „Wiek naprawdę stracony”. Poezja Sebastiana Petrycego jako świadectwo klęski wyprawy moskiewskiej. *Napis, Seria XII*: 139—155. (In Pol.).
- Wąsik, W. 1923. *Sebastian Petrycy z Pilzna i epoka: ze studiów nad dziejami filozofii w Polsce i recepcją Arystotelesa*. Warszawa. (In Pol.).
- Wójcicki, J. 2006. Wprowadzenie do lektury. In: *Horatius flaccus w trudach więzienia moskiewskiego*. Warszawa. (In Pol.).